

Виктор ФЕДОРЧУК

НА БЕРЕГУ НЕСИНЕГО МОРЯ

Поэма

Санкт-Петербург

2018

ББК 84
Ф33

Федорчук В.Н. На берегу несинего моря: поэма, 2-е изд. – Виктор Федорчук – СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. – 35 с.

«На берегу несинего моря» – лирическая поэма о Ленинграде-Петербурге: о том, как этот город видится автору по впечатлениям блокадных, послевоенных и более поздних лет (включён также один эпизод 1881 года). Сделана попытка обрисовать влияние городского пространства и времени на человека, показать эмоциональное различие города и природы. Автору представляется, что близость моря влияет на оценку, а иногда и на масштаб событий, происходящих на берегу. Во втором издании (первое – 2007 год) внесены незначительные правки редакционного характера и дополнен раздел «Примечания автора».

Виктор Федорчук – автор девяти книг, преимущественно стихотворных, изданных в 1997–2017 годах: «Брезозор», «Стекло», «Речка Устья», «На берегу несинего моря», «После зимы», «Надежда была», «Две родины», «Голосами животных», «Невечный огонь».

*Редактор
И.А. Сергеева*

*Обложка по эскизу М.Л. Кузнецовой
Оригинал-макет и оформление Е.В. Ершовой*

© Федорчук В.Н., 2018
© СПбГПУ, 2018

НА БЕРЕГУ НЕСИНЕГО МОРЯ

Вступление
На грани суши и воды
Екатерининский канал
Таврический сад
Лиговка и Лесное
Елагин остров
Площадь Искусств
Прощание
Примечания автора

ВСТУПЛЕНИЕ

1

У несинего моря, там, где дома́
Неподвижным, засохшим кажутся лесом,
Где полуночный свет, где полдневная тьма,
Там для жизни моей было найдено место.

Я люблю этот город, который Петром
Был заложен у края могучей стихии.
Я стихийность природы считаю добром,
Укрепляющим стены и дни городские.

Может быть, мне понятней живые леса,
Где листва так легко откликается ветру,
Где слышнее земли и людей голоса...
Но и в город у моря – я верю,
Я верю.

2

Здесь кое-что осталось от природы:
Не властная, но грозная Нева,
Обрывки редкие былого небосвода,
Дубов и лип неяркая листва,
Травы садовой коврик необильный,
Ну а зимою – снег,
Но лишь в тот миг,
Пока не потемнел от наших ног и пыли
Его бесстрастный поднебесный лик.

Здесь заменяют блеск небес безличных
Дворцы и залы в россыпи огней,
И цвет домов – яичный ли, кирпичный,
И свет умов, далёких от властей.
Но место это предстаёт иным,
Когда природа набирает силы:
Тогда Нева бывает тёмно-синей,
А небо серое – прозрачно-голубым.

Арена главная, где мир природы спорит
С искусственным созданием ума, –
Не улицы, каналы и дома,
А мы
У моря.

НА ГРАНИ СУШИ И ВОДЫ

1

На грани суши и воды
Богатство жизни сухопутной
Такое, что бывает трудно
Найти отдельные следы.

Везде истоптанный песок –
На дюне крайней и на пляже,
И даже следопыт не скажет
Числа топтавших берег ног.

И грань прибоя не мертва,
Хотя здесь каждый день смывает
Тех, кто уже идёт по краю
Привычного всем естества.

Не разглядев иных миров,
Мы сушу лучше понимаем
И часто глаз не поднимаем
К догадке – лёгкой, как перо.

Но на краю побед и бед,
В соседстве моря, неба, суши,
Здесь на вопрос о всём живущем
Всего надёжнее ответ...

Идя в залив несиний наш,
На часть вопроса мы ответим,
А после – просто не заметим,
Что дюна кончилась
И пляж.

2

Ты, море, такое, как было всегда,
И всё же в тебе – иная вода.
Вернее, теперь в тебе много иного –
Слишком земного, слишком земного.

3

Смешно считать, что людям можно
Отгородиться от морей
Какой-то насыпью ничтожной
Из глыб бетонных и камней.
До высоты блокадной дамбы
Волна, пожалуй, не дойдёт,
Но – обойдёт песок и камни
И хлынет из других ворот.

Не лучше ль с морем по-соседски
В квартире общей жить свой срок?!
От моря нет случайных бедствий,
В нём – наш исток, урок, итог.

А если при веселье бурном
Вдруг море наш порог зальёт,
Есть повод вымыть то, что дурно
Помыто городским дежурным
И ощутить безмерность вод.
Пускай вода, вставая дыбом
На общежитие людей,
Убережёт их от ошибок
Самовлюблённых кораблей,
Которые мечтая сделать
Из тайны моря путь земной,

Способны только ржавым телом
Достигнуть глубины морской.

Ни тяжесть дамб, ни лень заборов,
Ни сон естественных преград
Не усмирят морских просторов
И Петербург не усмирят.
Но волн упорных вознесенье
Лишь до подошв кариадид,
Возможно, должное смиренье
И в нас, и в море сохранит.

4

Вдали, где море слито с небом,
Где их неразличим свинец,
Там кружатся, обнявшись крепко,
Начало жизни и конец.

Нам лоцман опытный не нужен:
Все знают, что уплыть туда
Поможет с надоевшей суши
Невы попутная вода.

И как приплыть на низкий берег
Известно всем не первый год:
Старинный курс давно проверен
Приливами варяжских вод.

Всё то, что городом зовётся
И прибывает каждый год,
По вольной воле создаётся
И никогда не пропадёт.
Здесь будет до скончанья дней
Движенье душ и кораблей.

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

1

О «медных всадниках» и прочих
Царях, потом – секретарях,
Возникших на российской почве,
Пускай другие говорят.

Мне дела нет до византийства
И смены правящих элит.
Но вот одно цареубийство
Давно мне душу берedit.

Тогда, на городском канале,
На потрясённой мостовой,
Мы вновь ошиблись, вновь остались
Со злобой прежней и собой.

Лицом к лицу с душою тёмной,
Как с подворотней в мёртвый час,
Остались мы; светильник скромный
Заколебался и – погас...

2

Нет, не азартное решенье
Разрушить мир, который плох,
Хочу я вспомнить – рук движенье,
Непроизвольное, как вздох.

...Метальщик третий с бомбой третьей
Царя увидел. В этот миг

Раздался взрыв. И сразу ветер
Лица горячего достиг.
Метальщик юный, видя рядом
Кровь и упавшего царя,
Держал свой свёрток со снарядом,
Но позабыл он про снаряд.

Он подбежал и неумело,
Со всеми вместе, кто здесь был,
Искромсанное взрывом тело
Поднял и в сани положил.

В тот миг его рукам дала
Толчок не та чужая сила,
Что к подворотне привела,
А та, что с детства сохранилась.

...В нас эта сила сметена
Была другой. Нет, не закрыты
Зим бесконечных времена.
...Март в Петербурге – не весна.
«Как холодно!» – сказал убитый.

3

Там, где бомбы бросали в надежду
Срам прикрыть не дырой, а одеждой,
Ныне храм стоит балалаечный.
Так-то вот, Александр Николаевич!

Там толпится пытливый и праздничный люд,
Рядом – вещи кустарные продают...
Неужели матрёшки неженской породы –
Это статуи нашей свободы?!

ТАВРИЧЕСКИЙ САД

1

Меня крестили в Греческой церкви,
Которой давно уже нет;
Теперь здесь зал для концертов.
Об этой бессмысленной жертве
Когда-то сказал поэт:
Как мы жертвуем тем, что было,
Разрушаем – ради чего? –
Время прошлое, храмы, события...
Ради времени *своего*?

2

Детство первое – это Таврический сад.
Если дни пролистать назад,
То я вижу – неясно, как на бегу,
Чёрные ветки на белом снегу,
Своих одногодков бестолковую стаю,
Которую взрослые, не понимая,
Хотят сделать смирной, будто надгробие,
По своему образу и подобию.

Вижу ещё, как будто сквозь лёд,
Сбитый, с нелепым хвостом, самолёт
Возле воды кругового канала
(Может быть, этого и не бывало?)

3

По счастью, в детях нет воображенья
О будущих невзгодах и потерях.
Но чувствовал я взрослых настроенье
И, значит, знал в какой-то мере,
Что вдруг пришли другие времена,
Что началась война.

Тоскливы дни бесщётных отступлений.
Пусть бодрость взрослых исчезала быстро,
Быстрее таяли продукты и поленья,
И голод с холодом вдруг стали просто бытом.
А что потом? – Тревоги и сомненья...
Но успокоились немного все, едва
Врага отбросила декабрьская Москва.

4

Произрастает счастье – из простого,
Его субстрат, как наш суглинок, сер.
Я вспоминаю март сорок второго
По двум картошкам, отогнавшим смерть.

Кто их принёс, хоть стыдно, но не помню.
Зато я помню, как я к ним приник,
Забыв о холоде, убежище и бомбах,
Забыв о матери, наверно, в этот миг.

Не хлеб сырой и не сухарь, который
За оттоманкой прятался в пыли,
Достался мне – рассыпчатый картофель,
Великий плод подзолистой земли.

Простой картошкой обернулось счастье...
Еды другой с тех пор не знаю слаще.

5

Вот настал наш черёд, и однажды
Налегке мы покинули дом,
Оставляя прошлое в нём
Неизвестным наследникам нашим.

Из квартиры, где и поныне
Кто-то мне незнакомый живёт,
Унесли меня люди родные
На подтаявший ладожский лёд.

А потом – до Кобоны и дальше –
Я от сада сквозь сон отступал
К Танкограду, на южный Урал...
Отступали и те, кто постарше.

6

...Она те годы вспоминать не любит,
Но как-то вспомнила:
Была тогда метель,
Шла женщина в каракулевой шубе,
На противне везла она портфель;
Шла, низко кланяясь порывам слабым ветра,
Был шаг её длиною в четверть метра...

7

Это – не футбольное поле, это – могила.
Здесь много таких. Иди и смотри!
Я же – нет, не могу: мне сердце сдавило,
Возьми другого в поводыри.
Я говорить о прошедшем не в силах
И не буду пытаться сложить строку.
Это слишком печально, друг ты мой милый,
Нет, я не смогу, не смогу.

И не надо, ты скажешь.
Конечно, не надо:
Мы с тобою об этом читали не раз –
О тех, кто погиб тогда в Ленинграде,
Кто выжил, спасая город и нас;
О гордости нашей, о высокой боли
Всё сказали – и наша Анна, и наша Оля,
И не нужен другой рассказ.

8

Из таврических, полутропических снов
Что же вспомнилось в жизни дальнейшей?
Может быть, только вкус огородных даров,
А не запах земли, не шершавость ствол
И не цвет небосвода нежнейший.

И когда, волнуясь, я снова приду
На свиданье с таврическим детством,
Я, конечно, пойму, что в этом саду
Есть куда от прошедшего деться.

Сад подскажет, что нет буреломных причин
Вспоминать всё ушедшее с болью:
У древесных стволов здесь столько морщин,
Сколько было и раньше,
Не больше.

И детей будет столько же, сколько тогда,
Лишь, пожалуй, иначе одетых,
Но в пруду придворцовом живая вода
Вдруг покажется менее светлой;
Кто-то может сказать, что не так и чиста...
Только я – не из их числа.

ЛИГОВКА И ЛЕСНОЕ

1

Я рад за тех, кому не слишком сложно
Считать сегодняшний салют
Лишь отраженьем нашей славы прошлой.
Они меня, быть может, не поймут.

Но в детской жизни – той, в которой
нет тщеславья,
Где для событий нет возвышенной цены,
В тот, прежний май, другое было главным:
Не День Победы,
Нет,
А – День Конца Войны.

2

...После войны, не слишком скоро,
Мы, наконец, возвратились в свой город.
Но здесь не осталось прежнего детства:
Ни прежних игрушек, ни старого места...

Детство моё – как два осколка
Чашки одной. Но только
Этот разбитый фарфор
Не склеить мне до сих пор.

3

Теперь я от сада жил далеко –
У Лиговки, между двух вокзалов.

Я знакомился с городом нелегко,
Начинал почти что с начала.

Наш дом стоял у горы кирпича,
Которая до войны была домом тоже.
Здесь пленные немцы, как в старых вещах,
Разбирались в своём боевом прошлом.

Мы с отцом пилили дрова во дворе,
А весной снег сбрасывали с крыши.
Нашу комнату постепенно уют согрел,
А мой сон, где я видел налёт и обстрел,
Становился короче и тише.

4

Садик на Лиговке. Тесная скука.
Здесь сдавались нормы ГТО.
В школе, что рядом, учили наукам,
Прочим предметам, а кроме того,
Старые мысли начальства мочалили
О единомыслии да единоначалии.

Но вот, наконец, от «рва» городского,
От садика для детей и котов
Добрался я до Лесного
И юношеских годов.

Настало хорошее время...
И – место: там в парке белел
Лесной институт среди древних
Дубов и прочих деревьев...
Там города был предел.

5

Я выбрал для жизни занятие
Такое, чтоб город не смог
Тяжёлым гранитным объёмом
Меня не пустить за порог.

Теперь я с природой был связан
И думал, что место нашёл,
Где самонадеянный разум
Ещё не творил произвол.

Но мы не готовы к дружбе
С миром свободным, иным:
Язык бензопил бездушных
Для леса – непереволим.

И нам чужда беспредельность:
Мы крошечным миром живём
И думаем только о деле
Ближайшего дня и недели,
О времени бедном,
Своём...

6

В стране беспокойных осин,
В краю древних елей и сосен
Твердил я каждую осень:
«Мой город, я – блудный твой сын.
Как жить без тебя,
Без твоих
Людей – родных и знакомых,

Без друга, без отчего дома?
Как жить без приневских, морских
И прочих просторов безмерных
(Которых не скрыли в тот миг) –
Музейных картин, старых книг
И музыки этой бессмертной?!»

Завидовал я поездам,
Что ехали к городу-чуду.
Хотелось быстрее – туда!
(Почти как весной – оттуда).

А город с чужого плеча
Одежду носил многолетно.
Здесь стала почти незаметной
Даль моря.
И я замечал,
Когда одевался в платье,
Какое в лесу не носил,
Что выскользнуть из объятий
Булыжно-бумажных понятий
Уже не хватало сил.

7

Питер снова чёрно-белый:
Влажная метель;
Туча край земли задела,
Под ногой – кисель.

Я иду, оставив ныне
Свой надёжный дом;

Ветер дует, как в пустыне,
За любым углом.

Белым снегом, серым снегом
Занесён гранит,
Между городом и небом
Чья-то сеть висит.

Что на свете: чёрный день ли,
Белая ли ночь?
Город милый, снега пленник,
Как тебе помочь?

Я и сам в сугробах сонных
Словно утонул,
Слыша вечно однотонный
Пустозвонный гул.

Что ни делай – нету дела,
Что ни говори, –
Только пар из ртов несмелых
Над людьми царит.

Липкий снег следы заносит
И следы следов;
На плакате – профиль козий
Нескольких богов.

Ухожу от них, гадая,
Есть ли дальше жизнь? –
К берегам за Голодаем...
Море, покажись!

Там, где суша, там, где море,
Снег везде лежит.
Между ними – ни забора,
Ни простой межи.

Я ищу тропинку лисью,
Грань, границу-нить
Между жизнью – и нежизнью...
Нет, не различить.

Возвращаюсь в чёрно-белый
Лабиринт домов,
На кисель обледенелый
Сумрачных годов.

Снег простудный давит плечи
Вместо эполет.
Прихожу домой под вечер:
Стол, кровать, буфет.

8

Что делать в городе весной,
Когда водой уже обмыты
И светлых тротуаров плиты,
И камень серой мостовой?

Здесь жизнь меняется не сильно
Внутри и вне кирпичных стен,
А сердце хочет перемен
И не мирится с этой былью.

Что делать в городе, когда
Глухарь давно по снегу чертит
Письмо простое против смерти
В лесу далёком?
Нам – туда!

Что делать там? Вопрос некстати:
Ответ важнее получить
На то, кем нам *не надо быть*
И что *не делать* нам, приятель.

Нам нужно побывать на воле!
Мы отъезжаем, торопясь,
Куда-нибудь за речку Сясь,
В Замóшье, Зáборье, Запóлье,

Где больше воздуха и солнца,
Где на заснеженной тропе
Невольно выветрим в себе
Старинный чад низкопоклонства.

Везде мы дома, если нам
Даны леса, поля, болота,
Была бы скромная охота
С беседой тёплой пополам.

Мы разговор вели без фальши,
Так откровенно и легко,
Что если б слушал *кое-кто*,
Послал бы нас *гораздо дальше*.

Но знали мы, что вся округа
Была и с нами, и за нас;
Здесь не унижит, не предаст
Ни тень лесов, ни ветер луга.

В ружейный ствол, как в рог трубы,
Мы уносились в наше детство
И становились – наконец-то! –
Похожими лишь на себя.

А возвратившись в город свой,
Держались мы остаток года,
Пока жила внутри свобода,
Разбуженная весной.

9

Как часто время давит на пространство!
И даже здесь, у вечных этих вод,
От пустоты властительного чванства
Дух Петербурга не всегда спасёт.

Я чувствовал: меня вот-вот покинет
Надежда вырваться из липких дней.
Тогда мой город был, как в паутине
Завистливых и мстительных вождей.

Я убегал в природные просторы,
Как при бомбёжке прячутся в подвал.
Но я бежал не от тебя, мой город,
А от чужого времени бежал.

Да, я не верил, что на тощей почве
Возможны разноцветья времена,
Не замечал, что прорастали ночью
Невиданных растений семена.

Как прорывает старую солому
Растущая из глубины трава,
Так возникали из примет знакомых
Другие краски, звуки и слова.

...Мой город, выросший на грани
Стихий, народов и веков,
Был временем несчастным ранен,
Но это время в море канет,
А с ним – и пыль временщиков.

ЕЛАГИН ОСТРОВ

Под мостом, на лодочке прокатной,
На протоке дальнего пруда
Целовались временем закатным
Мы с тобой,
Как лодка и вода.

Я тогда был просто отраженьем
Твоего, любимая, воображенья
Обо мне и нас двоих.
Но, наверно, губ твоих движенье
Было отраженьем губ моих.

А вода под нами шевелилась,
Отражала летний небосвод.
Шел тогда тебе, и ныне милой,
Двадцать третий год.

Мы потом стояли молчаливо
Здесь, на стрелке. Я не замечал
Близости стеклянного залива
Из-за твоего плеча.

У тебя была открыта шея,
Блузка в чёрно-белых полосах...
Долго мы кружили по аллеям,
Останавливались на мостах...

А сегодня, обгоняя шлягер,
Вновь идём по крутизне моста.
Мы опять вернулись на Елагин,
Вспоминаем прошлые лета.

Нынче здесь почти как в Ленинграде.
Песни, правда, на иной манер;
А вот лодки, что дают в прокате,
Сделаны ещё в СССР.

Но теперь возможно стало внуку
Взять авто на медленном ходу.
Жаль, что вырос я, и мне такую штуку
Напрокат сегодня не дадут.

На заливе пёстрый беспорядок,
Катеров и яхт подвижный строй...
Через сорок лет мы снова рядом
Здесь, на стрелке западной, с тобой.

Впереди у нас немного суши.
Мы стоим, как раньше, налегке.
Просишь ты: «Не торопись,
Послушай,
Как шумит волна невдалеке».

Что же, волны и теперь не реже,
Чем тогда – идут за валом вал...
Горяча твоя рука, а прежде
Я её своею согревал.

Замечаю, стоя у залива,
Что всё чаще я смотрю назад.
Жизнь была со мною справедлива,
Если – нет, то я и виноват.

Солнце торопливое садится.
Ветер стих. Не виден стал Кронштадт.

Перед нами пролетела птица,
Зачеркнув бледнеющий закат.

Город в летнем сумраке светлеет
Светом фонарей и окон-глаз...
Кажется с годами всё прямее
К островам ведущая аллея,
По которой жизнь кружила нас.

ПЛОЩАДЬ ИСКУССТВ

1

Нам удалось купить для дочери билет
У старой женщины, пожавшей наши руки.
Билет ей выдали за горе прошлых лет,
За старые печальные заслуги.

Для этой женщины певец испанский не был,
Конечно же, насущным хлебом,
И потому был ею заменён
На скудный, но трехдневный рацион...

...Каррерас пел в большом белоколонном зале.
Зал полон был. Но большинство людей
За стенами, на площади стояли.
Все слушали, как этот чародей
Внушал, что *не от Слова* жизнь из тьмы
восстала:
С небес безгласных – *Голос был сначала!*

Он пел о том, что для людей всех стран,
Для всех сердец – закон единый дан
На голос – столь высокий – отзываться
Всегда любовью братской...

Был где-то далеко большой шумливый Питер.
Певец был на экране плохо виден,
Но голос страстный долетал
До каждого, кто этого желал.

...Не замечал никто, как цвета слив, росла
Из-за гостиницы соседней туча.
И вдруг – дождём весёлым и гремучим
На площадь вылилась гроза.

Воды блестящей мелкодробный вал
Набросился на слушателей яро
С небес, деревьев, крыш и тротуаров,
Но голоса певца не заглушал.

Исчезла грань меж небом, морем, сушей.
Соединили их текучая вода
И голос, к высшему единому зовущий...
И мы в единое поверили тогда.

2

О, блаженное, бессмысленное слово,
Где взять силы, чтоб тебя найти?!
В Петербурге мы сойдёмся,
Словно
Он и есть цель нашего пути.

Среди сумрака обманов и наветов
Только здесь не могут лгать уста.
В этом городе мы снова – просто ветви
Одного словесного куста.

Лёгкий пепел собран по крупнице.
Руки жён блаженных, это вы из снов
Привели нас в царскую столицу
Бесполезных и бессмертных слов.

Много нас. Но здесь никто не лишний.
Заболев, как раньше, воспаленьем чувств,
Мы слова желанные услышим
Из своих – живых и мёртвых – уст.

Мы расслышим каждого.
В ознобе
Будем слушать, смерти не боясь...
В Петербурге мы сойдёмся,
Чтобы
Слов блаженных не порвалась связь.

3

Пока в нас есть к прекрасному полёт,
Пока душа за вечностью в погоне,
Наш Петербург вовеки не умрёт,
Венеция в лагуне не утонет...
Спасенье будет этим городам,
Пока душою оживаем там.

ПРОЩАНИЕ

Уноси меня, море, несинее море,
В безмятежную холодность вод,
Где настанет развязка прошедших историй...
Но пускай там – не всё пропадёт.

Город мой, ты прими в себя то, что осталось
От кружения жизни моей.
Это ныне всего лишь ничтожная малость,
Но прощальная нежность – в ней.

...По сосновому лесу на косогоре,
По песку и опавшей хвое
Я на берег сойду...
Наша родина – море,
Но расстанемся мы на земле.

2002–2006, 2018

Примечания автора

Екатерининский канал

«Метальщик третий...» –

И.П. Емельянов, молодой человек 20-ти лет,
участник покушения на царя Александра II.

Таврический сад

«...Когда-то сказал поэт...» –

И. Бродский («Остановка в пустыне», 1966).

«...Но как-то вспомнила» – из воспоминаний
Кузнецовой Прасковьи Георгиевны.

«...К Танкограду, на южный Урал» – Танкоградом
во время войны иногда называли г. Челябинск.

«...И наша Анна, и наша Оля» –

А. Ахматова и О. Берггольц.

Лиговка и Лесное

В разделе речь идёт о времени с конца 1940-х
до начала 1960-х годов

«Городской «ров» – Обводный канал.

Елагин остров

«Лодки... сделаны ещё в СССР» –

речь идёт о 1990-х годах.

Площадь искусств

«В Петербурге мы сойдёмся...» –

слова из стихотворения О. Мандельштама.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	5
На грани суши и воды.....	7
Екатерининский канал.....	10
Таврический сад.....	12
Лиговка и Лесное.....	17
Елагин остров.....	26
Площадь Искусств.....	29
Прощание.....	32
Примечания автора.....	33

Литературно-художественное издание

ФЕДОРЧУК

Виктор Николаевич

НА БЕРЕГУ НЕСИНЕГО МОРЯ

Поэма

Подписано в печать 12.02.2018. Формат 70х100/32.

Печать цифровая.

Усл. печ. л. . Тираж экз. Заказ .

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного автором,

в Издательско-полиграфическом центре

Политехнического университета.

195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел.: (812) 552-77-17, 550-40-14.

